

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

МНИМЫЕ ЦЕННОСТИ СУИЦИДА

Крюков Виктор Васильевич

*профессор, доктор философских наук,
профессор Сибирского государственного университета
геосистем и технологий, Новосибирск*

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2020.1.55.213](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.55.213)

Аннотация

Исследуется проблема самоубийства, а именно: сравниваются различные трактовки суицида в философии и психологии. Представлены три различные аксиологические позиции личности, могущие стать жизненными ориентациями на самоубийство. Это эгоистическое отношение «от людей», выраженное в безразличии; альтруистическое отношение «на людей», выраженное в самоуничтожении человека; аномическое отношение «против людей», выраженное в агрессии. Ценность смерти представлена как мнимая альтернатива жизни, как антипод и отрицание ее смысла, становящаяся целью. Применяется герменевтический метод истолкования текстов. Целью статьи является демонстрация иллюзорного характера ценностных ориентаций на суицид.

Abstract

The problem of suicide is investigated, namely, different interpretations of suicide in philosophy and psychology are compared. Three different axiological positions of the individual that can become life orientations to suicide are presented. This is an egoistic attitude "from people", expressed in indifference; an altruistic attitude "to people", expressed in self-abasement of a person; an anomic attitude "against people", expressed in aggression. The value of death is presented as an imaginary alternative to life, as an antipode and negation of its meaning, which can become a goal. The hermeneutical method of interpretation of texts is applied. The purpose of the article is to demonstrate the illusory nature of value orientations on suicide.

Ключевые слова: ценность, суицид; эгоизм; альтруизм; аномия.

Key words: value, suicide; selfishness; altruism; anomie.

Смерть, вызывающая леденящий ужас в человеческой душе, может превратиться в благо, предмет стремления, даже вождления. В ней одной может видеться выход и достижение покоя и отдохновения. Смерть может стать целью.

Конечно, любая смерть связана с определенными эмоциональными переживаниями: одиночеством, неверием в случившееся, сердечной болью и душевными мучениями. В случае самоубийства эти эмоции достигают невероятной силы. Не только потенциальные самоубийцы испытывают сильное психическое напряжение, но и те, кто остается в живых, испытывают боль от разлуки, сильные чувства вины, стыда и гнева. Акт саморазрушения ставит перед ними очевидный вопрос: почему это произошло?

Религиозная традиция всегда накладывала на самоубийство табу. Христиане видели в суициде отвержение Бога и отказ от жизни вечной. «И увидел Бог все, что Он создал, и сказал, что это хорошо». [5, с.24] Почти в первых строках Книги Бытия утверждается положение, эхом проходящее через столетия: жизнь хороша, каждый человек должен ценить ее, никогда не отчаиваться в ее возможностях, потому что жизнь дана Богом. Таинство Богоданной Жизни и сегодня является наиболее прекрасным даром из всех.

Христианский теолог Фома Аквинский доказывал, что самоубийство является грабежом, лишением общества одной из очень важных вещей; он утверждал, что у человека есть долг жить, порой даже против его собственных желаний, из-за обязательств перед людьми. Для Святого Фомы

жизнь была подготовкой к вечности, поэтому он подчеркивал ее святость и абсолютное подчинение воле Бога. И. Кант поддерживал это мнение: «Самоубийство является оскорблением человечества». [5, с.22] З. Фрейд считал, что самоубийство имеет отношение к инстинктам: есть два вида влечений, один из них – влечение к жизни, Эрос, другой – это влечение к смерти, Танатос. Эрос со временем стареет, вечный же Танатос остается «до самого конца, на всем протяжении жизни человека, достигая своей цели лишь приводя его к смерти». [5, с.31]

Э. Дюркгейм описал три вида суицида: *эгоистический, альтруистический и аномический*. Эти виды самоубийства соответствуют трем типам ориентации человека по отношению к другим людям, детально разработанным социокультурной теорией личности К. Хорни. Это ориентации «от людей», «на людей» и «против людей». [6, с.259]

Эгоистическое самоубийство соответствует ориентации «от людей», обнаруживающейся у тех, кто придерживается защитной установки: «Мне все равно». Для обособленного типа характерна установка не дать себя увлечь чем то ни было. В результате представители этого типа утрачивают истинную заинтересованность в людях, привыкают к поверхностным наслаждениям, просто бесстрастно идут по жизни. Для этой стратегии характерно стремление к уединенности, независимости и самодостаточности.

Характерной чертой эгоистического самоубийства является состояние томительной меланхолии, парализующей всякую деятельность

человека. Всевозможные дела, общественная служба, труд, домашние обязанности внушают человеку только чувства безразличия и отчуждения. «Закрывая глаза на все окружающее, человек главным образом обращает внимание на состояния своего сознания; он избирает себя единственным предметом своего анализа и наблюдений. Но, в силу этой исключительной концентрации, он только углубляет ту пропасть, которая отделяет его от окружающего мира. С того момента, как индивид начинает заниматься только самим собой, он уже не может думать о том, что не касается только его и, углубляя это состояние, увеличивает свое одиночество». [1, с.137] «Когда сознание того, что он не существует, доставляет человеку столько удовольствия, то всецело удовлетворить свою склонность можно только путем совершенного отказа от существования». [1, с.138]

По Дюркгейму, существует и другая форма эгоистического самоубийства. Человек часто вместо того, чтобы грустно размышлять о своей судьбе, относится к ней весело и легкомысленно. Эта форма эгоистического самоубийства схожа с суицидом, практиковавшимся у эпикурейцев. Если у человека нет никакой другой цели, то каждую минуту он может потерять и ту, которая у него есть. Чувственное удовольствие слишком тонкая нить, чтобы прочно привязать человека к жизни. Поэтому Эпикур убеждал своих последователей быть всегда готовыми расстаться с жизнью по первому зову обстоятельств. Близкой точки зрения придерживался Л. Сенека. «...Благо – не сама жизнь, а жизнь достойная. Так что мудрый живет не сколько должен, а сколько может. Он смотрит, где ему предстоит проводить жизнь, и с кем, и как, и в каких занятиях, он думает о том, как жить, а не сколько прожить». [5, с.188] По словам Сенеки, если человеку встретится много тягот, или фортуна от него отвернется, то почему бы не завершить такую жизнь.

Согласно теории А. Шопенгауэра, самоубийца любит жизнь; он только недоволен условиями, при которых она ему дана. «...Он отказывается отнюдь не от воли к жизни, а лишь от самой жизни, уничтожая ее единичное проявление. Он любит жизнь, хочет нерушимого бытия и утверждения тела; но сплетение обстоятельств этого не допускает, и от этого возникает страдание. ...Самоубийца не может перестать желать, он перестает жить». [7, с.385]

У А. Камю чувством, характеризующим бытие человека, оказывается ощущение абсурдности: оно неожиданно рождается из скуки и перечеркивает значимость всех остальных переживаний. Индивид выпадает из рутины повседневной жизни: «То, чего я не в силах понять, неразумно. Мир населен такими иррациональностями. Я не понимаю уникального смысла мира, а потому он для меня безмерно иррационален». [2, с.54]

Из-за отсутствия связи с обществом человек не может найти цели своей жизни. Все, что происходит вокруг, кажется ему непонятным и

вторичным. Вследствие того, что он отделился от общества и не может черпать из него новых чувств, мыслей, переживаний – появляется скука. «Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание». С другой стороны, у Камю самоубийство как бунт против непостижимости мира бесплодно, ибо «самоубийство есть полная противоположность бунту, так как предполагает согласие... На свой лад самоубийство тоже есть разрешение абсурда, оно делает абсурдной даже саму смерть». [2, с.54]

Второй тип отношений по К. Хорни – ориентацию «на людей» – можно связать с *альтруистическим самоубийством*. Ориентация «на людей» предполагает такой стиль взаимодействия, для которого характерны зависимость, нерешительность и беспомощность. Человеком, которого Хорни относит к уступчивому типу, руководит иррациональное убеждение: если я уступлю – меня не тронут. Уступчивому типу необходимо, чтобы в нем нуждались, любили его, защищали его и руководили им. Такие люди завязывают отношения с единственной целью: избежать чувства одиночества, беспомощности или ненужности.

Однако ничто чрезмерное не может считаться хорошим. Если крайний индивидуализм приводит человека к самоубийству, то недостаточно развитая индивидуальность должна приводить к тем же результатам. Когда человек отделяется от общества, в его сознании зарождается мысль покончить с собой, но то же самое происходит и в том случае, когда общественное начало вполне и без остатка поглощает индивидуальное. Э. Дюркгейм считал: «...в случаях обязательного самоубийства энергия вкладывается в распоряжение разума или воли. Субъект убивает себя, потому что так велит ему его сознание; он действует, подчиняясь известному повелению, поэтому его поступок характеризуется по преимуществу той ясной твердостью, которую рождает чувство выполненного долга». [1, с.109] Когда же альтруизм принимает особенно острые формы, самоубийство имеет более страстный и менее рассудочный характер. Тогда перед нами имеется ярко выраженный порыв веры и энтузиазма, бросающий человека в объятия смерти.

Если общество может принуждать некоторых из своих членов к самоубийству, то это обстоятельство означает, что индивидуальная личность в данной среде ценится очень низко. Первый признак самоопределения личности – это признание за собою права на жизнь. Чтобы индивид почувствовал свою незначительность на фоне коллективной жизни, необходимо почти полное поглощение его личности той группой, к которой он принадлежит. Следовательно – эта группа должна быть крепко сплоченной, а ее составные части могут в такой малой степени ощущать свою самостоятельность лишь в том случае, когда целое представляет собой компактную и сплошную массу.

В силу своей значительности группа близка к каждому своему члену и легко может не терять его из виду; в результате коллективное наблюдение не прекращается ни на минуту, касается всех сторон жизни индивида и сравнительно легко предотвращает всякое расхождение с интересами группы. В распоряжении индивида не имеется, таким образом, средств создать себе особую среду, в которой он мог бы развить свои индивидуальные качества и обеспечить их защиту. «Ничем не отличаясь от других членов группы, индивид является, так сказать, некоторою частью целого, не представляя сам по себе никакой ценности. Вполне естественно, что личность еще менее защищена от коллективных требований, и общество, нисколько не колеблясь, требует от нее по самому ничтожному поводу прекращения жизни, которая так мало ценится». [1, с.114]

Аномическое самоубийство или ориентация «против людей» – это такой стиль поведения, для которого характерны доминирование, враждебность и эксплуатация. Человек, относящийся к враждебному типу, действует, исходя из иллюзорного убеждения: у меня есть власть – никто меня не тронет. Враждебный тип придерживается мнения, что все другие люди агрессивны и что жизнь – это борьба всех против всех. Хорни отмечала, что враждебный тип способен действовать тактично и дружески, но его поведение в итоге всегда нацелено на обретение контроля и власти над другими.

«Если извне не приходит никакого сдерживающего начала, наша восприимчивость становится для самой себя источником вечных мучений, потому что безграничные желания ненасытны по своему существу, а ненасытность небезосновательно считается признаком болезненного состояния». [6, с.124] Неутоленная жажда превращается в сплошную пытку. Какое бы наслаждение ни давало человеку сознание того, что он работает, двигается, борется, он должен чувствовать, что его усилия не пропадают даром и что он неуклонно продвигается вперед. Преследовать какую-нибудь заведомо недостижимую цель – значит обрекать себя на вечное состояние недовольства. Но стоит встретиться с какой-нибудь преградой, и тогда ничто не смягчит порожденное препятствием страдание. Было бы истинным чудом, если бы человек на своем жизненном пути не встретил ни одного непреодолимого препятствия. При этих условиях жизнь держится на очень тонких нитях, каждую минуту могущих оборваться.

«Аномия, независимо от того, прогрессивна она или регрессивна, освобождая желания от всякого ограничения, широко открывает дверь иллюзиям, а следовательно и разочарованиям. Человек, внезапно вырванный из тех условий, к которым он привык, не может не впасть в отчаяние, чувствуя, что из под ног его ускользает та почва, хозяином которой он себя считал; и отчаяние его, конечно, обращается в сторону той причины, –

реальной или воображаемой – которой он приписывает свое несчастье». [6, с.142]

По Ф. Достоевскому, человек, который на своем нравственном недуге, на своих злобе и безумии основывает свое право действовать и переделывать мир по своему – такой человек, каковы бы ни были его внешняя судьба и дела – по своему существу есть убийца, он неизбежно будет насиловать и губить других, и сам непременно погибнет от насилия. Такой человек пытается агрессию от неудовлетворенности жизнью направить в сторону окружающих. Сознывая свою несостоятельность, человек тем самым становится выше этой своей несостоятельности и, произнося себе смертный приговор, не только страдает как подсудимый, но и действует властно, и торжествует как верховный судья.

Но дело в том, что самоубийца не только осознает свою человеческую несостоятельность, но и возводит ее во всемирный закон, что уже есть безумие. Он не только чувствует зло, но и верит в него. Сознывая свой недуг, он не верит в исцеление, и потому приобретенную тем же сознанием силу и свободу может употребить только на самоуничтожение. К самоубийству приходит всякий, кто сознает всечеловеческое Зло, но не верит в сверхчеловеческое Добро. Только этой верой человек мысли и совести спасается от самоубийства. «Он не должен остановиться на первом шаге – сознании своего зла, но должен сделать второй шаг – признать сущее Добро над собою. И немного нужно здравого смысла, чтоб, чувствуя все зло в человеке, заключить к Добру, независимому от человека, и не большое нужно усилие доброй воли, чтоб обратиться к этому Добру и дать ему место в себе. Ибо это сущее Добро уже само ищет нас и обращает нас к себе, и нам остается только уступить Ему, только не противодействовать Ему». [4, с.251]

Автор статьи писал об этой проблеме. [3, с.182] Жизнь и смерть приходят в мир вместе. С самого рождения мы уже достаточно взрослые для того, чтобы умереть. Жизнь и смерть наполнены одна другой и дополняют одна другую, и одну можно понять только с помощью другой. Умереть – то же самое, что и жить. Обсуждение самоубийства означает, прежде всего, снятие наложенного на него табу. Оно приводит общество, религию и человеческие души к краю пропасти. Саморазрушение может стать парадигмой независимости индивида от всех остальных: именно по этой причине закон назвал суицид преступлением, религия – грехом, а мораль – самоумнением.

Смысл жизни – в самой жизни, в ее максимальном продлении, в бессмертии. И поскольку бессмертие невозможно телесно – биологическая оболочка действительно бrenна, то следует стремиться к бессмертию души. А для существования души после смерти тела есть только одна возможность: переписать, перенести ее содержание на другой материальный носитель, более долговечный, чем живой организм.

Смерть тела случится с неизбежностью. Однако встретить ее человек может по-разному. Если на смертном одре нечего вспомнить действительно ценного в своей жизни и не окажется рядом никого, кто бы заплакал от горя или утешил в последний миг, то умирать страшно, думать о себе горько, а душу заполняет отчаяние. Напротив, если за спиной множество добрых и долгих дел, если тебя окружают близкие любящие люди, добрые друзья, благодарные ученики, то умирать можно спокойно, умиротворенно, с мыслью о полной и щедрой жизни и надеждой на вечный покой и забытие.

Вопрос о причинах самоубийства тесно связан с вопросом о смысле жизни. Вот как на этот вопрос ответил Торнтон Уайлер в романе «Мост короля Людовика Святого»: есть земля живых и земля мертвых, а мост между ними является любовью – единственный путь к спасению, единственный смысл. Именно поэтому смерть любви вызывает любовь к смерти. Или, выражаясь словами Жорж Санд: нужно любить, страдать, плакать, надеяться, трудиться – быть! Падения, раны, недочеты, тщетные надежды – с этим считаться не надо. Нужно встать, собрать окровавленные осколки своего сердца и с этим трофеем продолжать свой путь до призыва к другой жизни.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство // Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399, [1] с.
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с франц. – М.: Политиздат, 1990. – 416 с.
3. Крюков В.В. Сумма аксиологии : монография / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 207 с.
4. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 271 с.
5. Суицид. Хрестоматия по суицидологии / Сост. А.Н. Моховиков. – Киев: АЛД. – 1996. – 456 с.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Карен Хорни: социокультурная теория личности // Теория личности. – СПб.: Питер Пресс, – 1997. – 320 с.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М.: Наука, 1993. – Т.1. – 405 с.